

Зоя Семеновна

ОКОЛИЦА

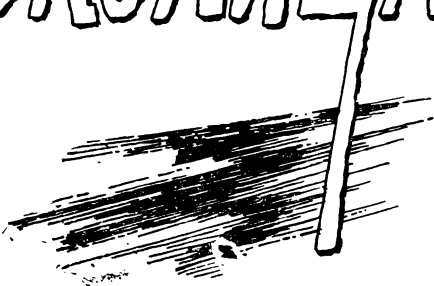
Моему отцу Юно Хаимову посвящаю

Зоя Семеновна

ОКОЛИЦА

СТИХИ И ПОЭМА

**ДАГЕСТАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МАХАЧКАЛА 1992**

84 Тат
ББК
С 30

Семендуева З. Ю.

С 30 Околица: Стихи и поэма. Пер. с татского — Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1992. — 96 с.

Зоя Семендуева—представительница одного из малочисленных народов многоязычного Дагестана — татов, до Октябрьской революции не имевших письменности. Сейчас на своем родном татском языке создает книги плeya писателей.

Первый сборник стихов Зои Семендуевой «Счастливое сердце» появился на родном языке в 1967 г. С тех пор вышло еще 6 поэтических книг.

В настоящий сборник вошли стихи известной татской поэтессы в переводе на русский язык, написанные в разные годы. Они по-своему отражают духовный мир горянки, получившей возможность стать равноправным членом общества, раскрыть свои таланты, сокровищницу сердца и души.

ББК 84 Тат

С $\frac{4803570200 - 20}{М 123 - 92}$ 33 — 92

ISBN 5—297—00271—0 © Семендуева З. Ю., 1992 г.

ЖЕЛАНИЕ

Я хотела бы стать землей,
Сильной, мудрой и молодой.
Я бы всех вас поила, люди,
Из своей материнской груди:
Я, как мать, бы кормила вас,
Я бы с вас не спускала глаз,
Чтобы жили вы все на свете,
Как единого рода дети.
Я рожала бы вас на свет,
Я бы вас берегла от бед,
Я бы сделала так, конечно,
Чтобы люди любили вечно.
Я бы сделала, чтобы весна
Всех пьянила сильнее вина.
И еще б я хотела, чтобы
Вы не ведали горя, злобы...
Как рогатку ломает мать,
Я хотела бы поломать
Лодки атомные и пушки —
Все опасные для вас игрушки.
О, когда бы мне стать
землей —
Сильной, мудрой и молодой!

СЫН УХОДИТ В АРМИЮ СЛУЖИТЬ

Проводила сына мать на крыльцо,
Посмотрела ему пристально в лицо.
И тревожно стало матери в груди,
Показалось ей, что муж ее глядит.
Словно смотрит он сквозь мертвые года,
Словно знает, что уходит навсегда.
Что оденут черной лентою портрет,
Что он в сыне повторится в 20 лет.
Проводила сына мать на крыльцо,
Память тучею упала на лицо.
А из глаз, как будто ливень в час грозы, —
Две горючие горячие слезы.
Милый мальчик, как похож он на отца,
Тот же взгляд и те же плечи у юнца.
Так же горек, так же крепок поцелуй,
Так же добро говорит ей: «Не горюй!»
Пал отец его, чтоб он остался жить,
Чтобы в срок пошел он в армию служить.
Но чтоб тучи не закрыли небосвод,
Пусть затвор винтовок ставит он на взвод.
Далеко, отец, от дома ты упал,
Берег Волги кровь кавказскую впитал.
Оттого кровав над Волгою восход.
Но с отцовской кровью сын еще живет.

**Та же воля, то же мужество в глазах.
Улыбнулась мать счастливая в слезах.
Сын любимый — продолжение отца.
Будь отцовской клятве верен до конца.**

Ты силен и крылат, словно горный орел,
И стремишься взлететь в высоту.
Но ты высшую точку бы в небе обрел,
Коль мою бы с собой взял мечту.

И любовь мою должен с собою ты взять:
Даже в ясную синюю ясность.
Она сможет почувствовать и подсказать,
Где тебя поджидает опасность.

И меня ты возьми в край борьбы и тревог,
И меня ты возьми без сомнений,
Чтоб, устав после битвы, спокойно ты мог
Отдохнуть на моих коленях.

МИЛЫЙ ДОКТОР

Словно в зеркале отражение,
В снах моих возникаешь ты.
Возбужденное воображение
Пишет маслом твои черты.

Ожиданья в шесть лет протянуты.
Зацветала шесть раз алыча.
Ты в село по свежим проталинам
Возвратилась в звании врача.

Смело лечишь болезни сложные,
Мое сердце любовью болит.
Приключилось почти невозможное:
Я здоров, а оно — инвалид.

Милый доктор, проникнись жалостью
К пациенту — ко мне, приглянись.
Свое сердце открою. Пожалуйста,
Или вылечи, иль заразись.

Зимой мы расстались.
Дороги судьбы
Нас бросили в разные дали.
Меж нами хребты и поля, и дубы,
И зори в озера упали.
И солнце, как ниток моток.

А лучи —

Как спицы из бабкиной пряжи.
Чем тоньше лучи — тем
тревожней ручьи,
Тем звонче звенят они даже,
Тем радостней в поле
фиалки бутон,
Он трепетно тянется к солнцу.
Чтоб выпить его,
раскрывается он
И в зори звенит колокольцем.

Мне кажется, я нераскрытый цветок,
А ты для меня — как светило...
Исчезла зима. Завесенил восток.
Я жду. Возвращайся,
мой милый.

СУДЬБА ДЕВУШКИ

Дай руку, сестра, подходи-ка без страха,
Дорога твоя весела и ясна:
О, девушка гор! Октябрем, не Аллахом
Судьба тебе светлая нынче дана.
А раньше, как топчут ненужные склянки,
Что часто в пыли позабыто лежат,
И гордость, и честь попирая горянки,
Топтал ее жизнь одряхлевший адат.
Обидят, бывало, ее без причины,
И тут же вослед себе слышит она:
— Она не должна быть умнее мужчины, —
Такая судьба ей Аллахом дана.
Едва подрастет, ей советы давали:
— Ты слова сказать и любить не должна...
И рано за тряпки ее продавали:
— Такая судьба ей Аллахом дана.
В день свадьбы, закутав себя в покрывало,
Слезы в углу проливала она.
А гости, хинкал уплетая, кивали:
— Такая судьба ей Аллахом дана.
И так вот всю жизнь, молчалива, бесправна,
Под гнетом, как скот, находилась она,
И черным проклятьем закон из Корана
Твердил, что такая судьба ей дана.

Но время пришло,
И в горах Дагестана
Зажглась победивших Советов заря.
Расправила плечи горянка и встала,
Шагнула навстречу побед Октября.
И гордо по жизни горянка шагает,
Повсюду свои защищая права,
И с радостным сердцем теперь проклиняет,
Ее проклинавшие раньше слова...
Дай руку, сестра, подходи-ка без страха,
Дорога твоя весела и ясна:
Родная моя! Октябрем, не Аллахом,
Судьба тебе светлая нынче дана!

СЫНУ

Ты подрастаешь, мальчик, год от году,
Придет пора — ты выйдешь в мир большой.
Люби же труд, дерзания, свободу,
Будь сильным, сын, и щедрым будь душой.
Где б ни был ты, идя путями жизни,
Как ни трудна была б судьба твоя,
Будь верен, мальчик, матери-Отчизне,
Что для тебя не меньше мать, чем я.

УЧИТЕЛЬ

Я семилетней девочкой была,
Любила поиграть и порезвиться,
Когда меня мама привела
В нашу школу грамоте учиться.
Учитель наш был ласков, добр и тих,
Старательно рассказывал уроки
И часто, вспоминая чьи-то строки,
Нам весело читал любимый стих.
И вот однажды он вошел в наш класс
В защитной форме русского солдата,
Внимательно оглядывая нас,
Сказал нам тихо:

— Я на фронт, ребята...

И он ушел, отдав нам честь легко,
Встал в строй бесстрашных сыновей народа.
Молчали мы, вздыхая глубоко...
Прошло четыре долгих, грозных года.
Отцы и братья, победив, домой
Героями вернулись с поля брани!
Но не вернулся в класс учитель мой,
Не задавал домашних нам заданий.
В бою за переправу у Днепра
Его сразила вражеская пуля.
Но очень долго наша детвора

Помнила учителя в ауле.

Промчалось время,

я сама уж мать,

И в школе девочка учится моя.

Я мир люблю и здорово хочу я,

Чтоб никогда ни с кем не воевать!

МОЕ ЛЕКАРСТВО

О волшебстве твоих искусных рук
Рассказывать не устаю вокруг,
К тебе я записалась на прием,
Чтоб разобрался в сердце ты моем.

Что с ним такое, почему оно
Готово птицей выпорхнуть в окно.
Заснуть не в силах, мучаюсь всю ночь,
И только ты б мне, доктор, смог помочь,
Когда б рецептов разных не давал,
А просто взял ты, да... поцеловал.

ВОЗЬМИ МОЕ СЕРДЦЕ

Мой горный орел,
Улетая, с собой
Возьми мое сердце
В простор голубой...

В кабине твоей
Оно будет стучать,
И радость, и горе
С тобою встречать.

А если твой компас
Откажет в пути,
Дорогу ко мне
Оно сможет найти.

Мой горный орел,
Улетая, с собой
Возьми мое сердце
В простор голубой...

ЛЮБИМОМУ

В какой бы ты ни ехал край,
Я буду ждать тебя, тоскуя.
Мой милый друг, не забывай,
Что горячо тебя люблю я.
Не забывай,
Любовь моя
Всегда, всегда к тебе стремится.

С тобою всюду буду я,
А если что-нибудь случится —
Я сердцем буду знать своим
И вмиг с тобою встану рядом...
Под этим небом голубым
Лишь только ты — моя отрада.

Когда-то было, вечером иль днем?
Изгладился из памяти час встречи.
Рука в руке мы сколько лет идем,
Любовь моя становится все крепче.

И я жила не просто как-нибудь.
В глаза смотрела я открыто.
Прошла с тобой нелепкий, трудный путь,
Но на судьбу ничуть я не в обиде.

Кто скажет: жизнь — приятный, легкий
сон?!

Познала я с тобой одну лишь радость.
Сердца-то наши бьются в унисон:
Мне больше в жизни ничего не надо.

МОЯ ЗВЕЗДА

Говорила мне в детстве мама:
— В небе есть и твоя звезда.
Я искала ее упрямо
И не видела никогда.
Я взбиралась на наши скалы,
Чтобы к небу поближе быть.
Я искала ее, искала...
Брат смеялся:
— Очки купить?
Я стерпела еще не то бы,
Лишь найти бы мою звезду,
Лишь бы знать мне и верить чтобы —
Непременно ее найду!
А сегодня — и не молодая,
Но усерднее молодой —
Я, под небом ночным блуждая,
Все слежу за своей звездой.
Ночью звезды родней и ближе.
Я в росистой стою траве...
Так стою и рубины вижу
На Кремлевской звезде в Москве.

БАЛЛАДА ОБ ОТЦЕ

Меня не носил на плече он крутом.
И нежности не было в нем беспричинной,
Когда он меня отвозил в детский дом,
Угрюмо сказал:
— Оставайся мужчиной...

Я мог бы его упрекнуть горячо
За то, что в тяжелое, видимо, время
Он переложил на чужое плечо
Отцовство — нелегкое гордое бремя.

Еще упрекнул бы за то, что другой —
Не он! — приносил мне гостинцы в больницу,
За то, что детдомовцам все же порой
Забота и ласка отцовская снится.

Но дети обычно не судят отцов,
Мы думаем: взрослым с вершины виднее.
Пусть будет счастлив, в конце-то концов...
Женился на новой? Я спорить не смею.

У нас, у детдомовцев, крепкий закал.
Нас не приучили к нитью и поклонам,

Другие пришли проводить на вокзал,
Когда я на фронт уезжал с эшелоном.

Когда я лежал в госпитальном бреду,
Когда я метался от боли и жара,
Предвиделось мне, что опять я иду
С отцом по альпийскому лугу на пару.

Когда я на лагерных нарах лежал,
Мне снился не сыр с ароматным чуреком —
Я видел во сне лишь отцовский кинжал,
Который поможет мне стать человеком.

Когда партизанил я в дальнем краю
И сердце о близких порой тосковало,
Уже не отца — мать-Отчизну свою
Я видел во сне на коротких привалах.

И вот через множество лет, наконец,
Сидит предо мною старик виновато.
Он мне говорит:
— Я твой старый отец.
Прости, говорит, за бывшее меня ты.
Мы вправе судить матерей и отцов.
Но дрогнуло сердце под горестным взглядом!
— Не надо, отец, извинительных слов...
Скажи ты мне лучше, чего... тебе... надо...

ЛЮДЯМ

Всю жизнь спешу, стремлюсь к чему-то,
Куда, к чему — сама того не зная.
И вдруг приходит смертная минута
Незванная, негаданная, злая.

Хоть жизнь и смерть соседствуют издревле.
Я не смирюсь с ее соседством с нами.
Я думаю о гибнущей деревне,
О детях, что погибли в Хиросиме.

Несли мальчишки овощей кошелку,
Где им понять, что есть и смерть, и злоба?
Пропела бомба, взвизгнули осколки.
Лежат в канаве придорожной оба.

А у того, кто бомбу изготовил,
Наверное, тоже есть такие дети?
Пусть он представит всех их в луже крови,
Одним осколком конченных в кювете!

Сирены голос вновь вдали проплакал.
Мы снова в сводки вчитываться будем.
... Я с радостью сгорела бы, как факел,
Чтоб осветить дорогу к миру людям.

ПУТНИКУ

В диких горах есть заветная тропка,
Выводящая всех на широкий большак.
Ты не будь одинокою птицею робкой,
Выше нос! Тверже взгляд и уверенней шаг!
Не беда, что тропа в буреломе петляет.
Не повсюду еще навощенный паркет.
Человек нагибается, если желает
Принести ненаглядной красивый букет.
Упадешь? Не беда. Не такое бывало...
Не об этом сегодня у нас разговор.
Потрудись, покарабкайся на перевалы.
И с вершины откроется оветлый простор

МОЙ ДЕРБЕНТ

С одной стороны — море.
С другой стороны — горы.
А между горами и морем
Стоял горемычный город.

С одной стороны — татары.
С другой стороны — янычары.
А между двумя огнями
Пылали беды-пожары.

Дымились кварталов груды.
Сочились ранами груди.
Стенали и море, и горы,
Но громче стенали люди.

Две тысячи лет стенанья
Тут слышались за стенами.
Шли беды сюда караванами,
А радость не зналась с нами.

И вот, мой Дербент, мой город,
Забыл ты, что значит горе.
Налево — радости море.
Направо — богатства-горы.

Отрадою из отрад
Зову я мой город-сад.
Века! Прошло вас много
По горным крутым дорогам.
Двадцатый — советский век!
Я славлю твой светлый бег.

У ОБЕЛИСКА

Он погиб в Подмосковье
В сорок первом году,
И его схоронили
У Москвы на виду.

Ты скажи, ты скажи нам,
Неизвестный солдат,
Чьею грудью ты вскормлен,
Чей ты муж или брат?

Может быть, ты земляк мой
С дагестанских вершин,
Может, степи казацкой
Ты питомец и сын?

Над его обелиском
Вечный пламень горит.
Поклонюсь тебе низко,
Неизвестный джигит.

Возложу я на камень
Зоревые цветы,
Чтоб любовью согрелся
Нашей верною ты.

НЕ ХОЧУ!

Хочу я видеть синеву —
Не черный, смрадный, трупный дым.
Я сплю и вижу наяву:
Мы — победим.

Хочу, чтоб не было вокруг
Сиротских слез и вдовьих лиц,
Чтоб смерть десятком тысяч рук
В мой дом не целилась с границ.

И все ж хочу, чтоб сын мой рос
Солдатом, знал приказ:
«В ружье!»

... Дороже материнских слез
Оно — Отечество мое.

НАПУТСТВИЕ

Ты лица не видал отцова,
Ты родился, а он погиб,
Был бы жив — от крыльца родного
Мы вдвоем провожать смогли б.
Он под городом русским Гжатском
Похоронен вдали от гор.
И над ним лишь могилы братской
Молчаливый сухой бугор.

Провожая тебя одна я.
По-отцовски стране служи.
Просьба... крохотная...

простая:

Оставайся, родимый, жив!
Не роняй нашей чести
горской,
Но под пулю не суйся, сын.
... Нас в роду остается

горстка

Помни: ты у меня один.

Ты уходишь стеречь границу.
И готова я бросить дом,
И готова я раздвоиться,
Чтобы стать для тебя щитом!

ПРОЩАЛЬНАЯ

В путь, мой крылатый, ты захвати
Сердце мое простое.
Уберегу я тебя в пути
И, как щитом, прикрою.

В путь я тебе песни гор даю.
Не расставайся с ними.
Станут они для тебя в бою
Крыльями запасными.

Ну, уж если падешь в борьбе —
Мне не бывать вдовою.
Я прилечу, мой орел, к тебе,
Чтоб умереть с тобою.

РОДИНА

Больше жизни тебя люблю,
От волнения не дыша,
Звон курантов твоих люблю,
Часовых твоих четкий шаг.

Как звезда, над судьбой взошла
Ты во мраке минувших лет,
Для горянок навек зажгла
Негасимого счастья свет.

С детства я не могу забыть.
Мать мне пела в родных горах,
Чтоб достойной Отчизны быть
Будь всегда, как она добра.

В самом сердце моем живешь
Потому, что ты каждый миг
В богатырских руках несешь,
Всей планете любовь и мир.

НА ПИСКАРЕВСКОМ КЛАДБИЩЕ

И голод, и холод, и ярость снарядов,
И все остальные военные беды
Разили сынов, дочерей Ленинграда,
А он устоял и дождался победы.
Рядами могилы... Рядами. Рядами!
И старцы, и дети, и женщины рядом.
Голодные черные вьюги рыдали
Над ними в блокадные дни Ленинграда.
Сегодня как символ вселенного горя,
Которое в битвах за мир нас сплотило,
Во вдовьем уборе над мраморным морем
Скорбящая мать изваяньем застыла.
Лицо изваянья — с чертами России.
На свете добрее и горестней нету.
Оно — как призыв:
— Наши братья живые,
От новой войны берегите планету!
Погибшие люди становятся травами,
Листою, цветочками полевыми.
И только для женщины в каменном трауре
Они навсегда остаются живыми.

ОКОЛИЦА

Дорога, ива и родник —
Начало нашего селенья.
Приникни к роднику на миг —
И ты напьешься просветленья.

Здесь ива — словно чья-то мать,
Что сына ждет давно с чужбины:
Ей вечно путников встречать
И вечно спрашивать о сыне.

Вода журчит, листва шумит —
Напиться приглашает ива,
Машина мимо пробежит —
Листва вослед шепнет:
«Счастливо!».

То вешней радуясь поре,
То пожелтев от ожидания,
Она смеется на заре
И плачет с летними дождями.

И ты, наверно, ждешь родных,
«Счастливо!», — шепчешь в просветленье...
Дорога, ива и родник —
Начало нашего селенья.

СЕСТРА

Закутанная до бровей,
Ты — женщина, моя сестра,
Не знала нежности людей
Была лишь отблеском костра.
Ты лишена была любви,
И во владениях мужчин
Тебе не пели соловьи,
Тобой повелевал твой сын.
Ты человечнее была,
Но человеком не звалась
И одиноко боль несла,
Сверкая парой черных глаз.
Теперь для грусти нет причин,
Навеки освобождена,
Ты стала гордостью мужчин,
Правами не обделена.
Я женщина — поэт, а ты —
Верховный депутат страны,
Нам дарят песни и цветы,
Мы уважением сильны.
Нам рот никто уж не зашьет,
Скотиной нас не назовут,
Счастливый трудовой народ
Нас вывел на свободный путь.

Растя детей и за станком
Мы песни мирные поем.
В семье, на фронте трудовом
Мы строим счастья прочный дом.

МАТЕРИ

О мать моя!
Любовь твою я не сравнила б
Ни с силою воды, ни с пламенем огня.
Я помню, как ресниц ты не смыкала —
Над колыбелью пела для меня.

О мать моя!
А если и случалось,
Что иногда я заболелю вдруг,
О сне своем тогда ты забывала,
Чтоб беспокойством излечить недуг.

О мать моя!
Ты в годы испытаний
Не знала часто выходного дня.
За тяжкий труд бралась без колебаний,
Чтобы согреть и накормить меня.

«О мать моя!», —
И ныне обращаюсь
Я с радостью и горестью к тебе,
Быть может потому, что точно знаю:
Ты мне опора в счастье и борьбе,

О мать моя!
Ты много пережила...
Но я сейчас готова все отдать
За то, чтоб в мире не было забыто
Любимое, святое имя МАТЬ!

ПОЛУБИБЛЕЙСКАЯ СКАЗКА

В роддом Адам отправил Еву.
Ждал сына первенца Адам.
И колыбельные напевы
Учил, фальшивя, по складам.
Уже букет купил багряный
У доброй бабушки Яги,
Купил папаху великану
И сорок пятый — сапоги.
— Ведь будет как-никак мужчина! —
Твердил восторженно Адам,
Раздобывая на крестины
Коньяк себе, вино для дам.
Такси заказано за сутки.
Шофер сигналил у ворот.
Адам, не медля ни минутки,
Все в мире солнечно, прекрасно.
За сыном — сыном! едет он.
И тут настойчиво и властно
Зовет Адама телефон.
— Алло? В чем дело, ради Бога?
В чем дело? Что? Какая дочь?
Прошу, гражданка, без обмана!
Не можете ничем помочь?..
Да... понимаю...

У Адама
Цветочки валяются из рук.
Зачем из девочки делать драму?
Скажи-ка мне, сердечный друг.
Адам встречать не хочет Еву.
Адам сидит и водку пьет.
Зеленый змий, свисая с древа,
Ему закуску подает.
Лежит огромная папаха
И сорок пятый — сапоги.
И стали мертвым серым прахом
Цветы от бабушки Яги.
Совет я дам:
— Не плачь, Адам!
Поверь веселому стиху —
Дочь подрастет, и ты папаху
Отдашь джигиту жениху.

СПАСИБО, ОТЕЦ!

Подчинены законам естества,
Мы все уйдем.
И вспять не возвратиться.
На миг сверкнем
И гаснем, как зарницы...
Растет на старом кладбище трава,
Звенит листва,
Щебечут звонко птицы.
Хоть инеем искрится голова.
Мне молодым отец и ныне снится,
И повторяю вновь его слова:
Запомни, люди могут ошибиться,
А вот земля твоя всегда права
И за добро воздаст тебе сторицей.
Отечество не поле и не чащи.
Оно в душе, в напевах, в языке.
Пусть обнесет тебя заздравной чашей,
Но вместе с ним нужда и горе слаще,
Чем радость и богатство вдалеке.
Обычай свой святынею храня,
Ничем не оскверни чужого храма,
Не погаси священного огня.
Ни темной ночью, ни при свете дня
Не рой упрямо

Для друга яму.
Идут колена наши от Адама,
И всяк живущий для тебя родня.
С рожденья помнить женщины должны,
Что нет греха досужих сплетен хуже.
Где есть любовь, там клятвы не нужны.
И судят о достоинстве жены
По детским лицам и поступкам мужа.
Прошли года.
И голова седа.
Но давнюю отцовскую науку
Я сохранила в сердце навсегда
И детям передам ее, и внукам.

* * *

Средь бушующей мглы
За окном не увидишь ни зги.
Дни — длинней, чем года.
Бесконечнее вечности ночи.
А бывали в садах
У заросшего ряской пруда
На лужайках цветочных
Сладчайшего стона короче.
Догорала звезда,
И синели от нежности очи.
Но тропинка туда
Затерялась в снегах без следа.
Будто ведьма, седа,
Надо мною поземка хохочет.
Да на кухне вода,
Вытекая по капле, пророчит,
Ставя точку на всем:
«Никогда, никогда, никогда!»

БЕССОННАЯ НОЧЬ

Краткий праздник окончен.
Судьба, не терпя проволочек,
Заварила дела,
Да потом все спалила дотла.
Мне бы вычурной строчкой
Минувшее вычеркнуть срочно,
Только, жаль, — не смогла.
И бессонница — опытный ловчий —
В западню загнала,
Тишину навела,
Словно порчу,
Чтобы я в одиночку
Разлуку до дна допила.
Дом пурга замела,
То хохочет,
То воет по-волчьи.
Безысходнее мгла.
Тучи ветром изодраны в клочья.
Хоть равнина бела,
Боль стократно черней этой ночи.
Догорел костерочек, —
Поземка летит, как зола.
Жизнь взимает долги
С запоздалого чувства сторицей.

Мы отныне враги.
Нам с тобой на былые круги
Не дано возвратиться,
Погибшей любви возродиться.
Мне к тебе не пробиться
Сквозь груды житейской лузги.
Но под всхлипы пурги
Вновь и вновь мне в бессоннице мнится,
Лишь прикрою ресницы, —
Знакомые слышу шаги.
Хоть себе-то не лги! —
Это просто скрипят половицы,
Просто сердце стучится
В груди, как подбитая птица.

РАДУГА

Ожесточась
В житейских мелочах,
Мы от себя
Свои порывы прячем,
А красоту
Отвыкли замечать.
... В рассветный час
Куда-то наудачу
Я шла устало,
От обиды плача:
Любовь пропала,
Женский век растрочен...
Но солнце встало,
Новый день начав.
И радугой в лучах
Его горячих
Заполыхали слезы
На очах.
И сразу стало
Все вокруг иначе.
Запел у тала
Синий саз ручья.
Роса на маках заблестала
Ярче.

Залепетала
Юная арча
О том, как мало
Значат неудачи,
И не пристало
На судьбу ворчать.
Самих себя терзая
Без конца,
Не чувствам верим,
А унылым знаньям.
Но радуга
Сверкнет перед глазами,
И красота,
Как тайный клад сезамом,
Опять откроет
Для любви сердца,
От суеты
Отмытые слезами.

Л Ю Д И

Предав позору
Скаредность и страх,
Сурово крах
Пророчит Сефер-Тора
Погрязнувшим в раздорах
И грехах:
«Все разрушает время
Без разбора.
Падут соборы.
В пыль сотрутся горы.
Пришед из праха
Обратится в прах.»

И вот, верша
Земной круговорот,
Перемешав
Рожденья и кончины,
К нам смерть придет
В назначенный черед,
Со всех сорвет
Мундиры и личины.
Мольбам не внимлет,
Взяток не берет,

Не признает
Ни должности, ни чина.

Ей каждый должен
Двери отворить.
Как долго ни живи,
Свою дорогу,
Что начал от порога
Ты торить,
Нельзя ни изменить,
Ни повторить.
Наш век земной
Не вечен, слава Богу.

Смерть милосердно
Сущим даровав,
Творец был прав:
В житейской круговерти,
Где путь своекорыстен
И кровав,
А трупы в рвах
Зарыты в каждом метре,
Последнее раскаянье
Поправ,
Зло приумножит
Личное бессмертье.

Умрут мудрец, ублюдок,
Лицедей.
Могилы ждут вождей
И лизоблюдов.
Но почему же
С ненавистью лютой
От имени тиранов
И идей,
Взяв на себя

Обязанность судей,
Людей повсюду
Убивают люди?!

Веками напролет
Из года в год
Все вместе копим,
Словно пчелы в улье,
Собрав нектар
Со всех цветов в июле,
Мудросердечья
Драгоценный мед.
И сам в себе
Грядущее убьет,
Тот, кто пошлет
В другого злобно пули.

Под солнцем истин
Абсолютных нет.
С течением лет
Они уйдут со сцены.
Забудутся вожди,
Цитаты, цели.
Но жизни человеческой
Зыбкий свет
И в вечности
Останется бесценен.

Увы, я знаю точно,
Поутру,
Когда в бору,
Стряхнув остатки ночи,
Тюльпаны захохочут
На ветру,
Скарб, молча,
В путь печальный соберу,

(Хоть час тот очень
Хочется отсрочить)
Открою очи,
Потянусь к перу,
Но самой лучшей строчки
Не закончу.

Покинут силы,
Взор застелет мгла.
Но улыбнусь
И на краю могилы.
Стихи гранила,
Совесь берегла,
Души в горнилах
Злости не растлила.
Дарила радость людям,
Как могла,
Любила, пела
И детей растила.

Вы ж, провожая
В Лету поутру,
Меня не унижайте
Жалкой жалью.
Да, я жила
И потому умру.
Жалейте тех,
Кто в праздничном миру
Не жили —

В приживалах проживали.
Не сеяли, не жали,
Но икру
Вовсю жевали,
Ближнего ужалив,
Дрожали в страхе,

Спрятавшись в нору,
В унынии
Кончины поджидали.

Свой прежний страх
Пред смертью поборов,
Я говорю наперекор
Невежам,
Кто лишь себя любил,
Лелеял, нежил
И не творил
Высокое добро,
Тот не умрет,
Поскольку просто не жил.

ВСЕ ДЛЯ ТЕБЯ

Смолк кузнечик.
Первой звездочкой увенчан,
Пахнул терпче
Бирючиной росный лог.
Чернью ласточек расчерчен,
Томный вечер
Звал без тропок и дорог
За темный стог,
С ног валил беспечно,
Вел хмельные речи
И кружил в заречье
Головы, как мог.
От росы платок намок.
И у крылечка,
Ветра легче,
Ты шепнул, обняв за плечи:
«Сотворил Предтеча
Землю и сберег,
Как залог,
Что состоится наша встреча!»

Знал, в тисках
Сожмет влюбленного тоска,
Боль сожжет, как зной в песках

Сжигает злаки.
Чтоб тебя я, странник жалкий,
Отыскал,
Свет он жаркий
Высекал
В извечном мраке,
Звезд каскад
По небосводу расплескал,
Под громов раскат
Воздвигнул радуг арки.
Землю ливнем обласкал,
И среди скал,
Как костры, раздул
Сверкающие маки.

Изначально
Все предвидел наперед,
Сердцем чаял —
Наша встреча не случайна.
Твой приход
На эту Землю привечая,
Пред девичьими очами
Горный лед
Превратил в берилл
Рассветными лучами.
И обвинил
Цветов венчальный
Хоровод,
Мир тебе вручая,
Звонкими ручьями,
Чтобы струи быстрых вод,
Как строки од,
Соловьиными ночами
Зазвучали.
Дело знали
Мастера и сквозь года,

Дивный лик твой угадав,
Векам являли,
Не жалея вдохновенного труда,
То Венерой,
То Мадонною всегда
Воспевали, рисовали
И ваяли.

Если б знала ты,
Как в мире суеты,
Разбиваясь о безликость,
Как о рифы,
Слышал полос твой
Небесной чистоты
В рифмах Пушкина,
В Хафизовых редивах,
Узнавал твой
Бессмертные черты
В древних мифах
И в преданиях о Юдифи.

Без тебя в конце концов
Я был слепцом.
Но любовью осененный,
Как Всевышним,
В трудный путь я вышел
С радостным лицом,
Увидал, как пышно
Луг цветами вышит,
Жарко пышет
Склон лиловым чабрецом,
И в ночном затишье
Ход миров услышал.

Для тебя луна
Над рощей зажжена,

Реки мчатся,
Травы синие лучатся.
Ты для радости, для счастья
Рождена,
И навек одна
Судьбою мне дана,
Чтоб с тобою
Никогда не разлучаться.

ЦВЕТОВ НЕ РВИТЕ

Там, где туманы
Разлеглись в логах
И маем ранним
Ярко осиянны,
Угар медвяный
Щедро льют поляны
В ущелья,
Как в чеканные рога,
Рвем для любимых
Маки и тюльпаны,
Приумножая раны
На лугах.

Сквозь суету
Быстролетящих дней
Все чаще вижу
С горечью шемящей:
Все мельче чаши
У тюльпанов в чашах,
В лугах скудней
Разлив цветов слепящий,
Земля бедней,
И красота бледней.

Мы мельтешим,
Бездумно зло вершим
И, оставляя
На земле плешины,
Нарвать букеты
Попышней спешим
Тем, кто дороже
Жизни и души.
Хоть знаем наперед
Непогрешимо:
Как все живое,
Что корней лишили,
Цветы умрут.
Их не спасет кувшин.

И сколько красоту
Ни славословь,
Пройдя свой путь беспечный
На две трети,
Я, что ни вечер,
Размышляю вновь:
Пристало ли
Ценой напрасной смерти
Увенчивать
Высокую любовь?!

Твердим, как по заказу:
Мир жесток.
Но тут же, сразу,
Не моргнув и глазом,
Мы смотрим с умилением
На вазу,
Где умирает
Сорванный цветок.
Я заклинаю друга
И врага,

Кому земля родная
Дорога:
Бесценна жизнь
И человек, и лютик.
Возлюбленным цветов
Не рвите, люди,
Дарите им
Цветущие луга.

Д Р У Ж Б А

Звучит набатом,
Данный нам когда-то,
Завет отцов
Из тьмы седых веков:
Мы дружбою богаты,
А не златом.
И тот, кто свято
Чтит ее адаты,
Спешит на зов
Достойных кунаков.
В кругу бойцов
Они верней клинков,
Надежнее, чем латы
Из булата.
Без них для тата
Жизнь — саморастрата,
Бедны дворцов
Раскошные палаты,
Пир без собрата —
Тяжелей оков.
Им выпренность чужда,
Скромны их речи.
Но, словно кречет,
Грянет вдруг беда,

Во всем, всегда
Пребудут безупречны,
Подставив плечи,
Тяжкий груз облегчат,
Придет нужда,
Закроют от картечи,
Печаль излечат
Шуткой без следа.
Где рьяный март шаманит
В рощах пряных,
Строй лебедей в тумане
Утром ранним
Койсу поманит
Тишиной в лесу
И вдруг обманет:
Пьяный выстрел грянет.
Вверх стая грянет.
Но того, кто ранен,
Заранее
Познавши дружбы суть,
Пернатые спасут
На смертной грани, —
Ветра тараня,
К гнездам унесут.
Век, овладей
Инстинктом лебедей,
Чтоб следуя
Заветам Моисея,
В сердцах людей
Зерно доверья сеять.
Сумей рассеять
Чад пустых идей.
От их сивушной сущности,
Косея,
Не возглашай с амвона зла
Лютей:

Рассея,
Инородец, иудей.
Мы верили,
Что разбиваем цепи,
Пытаясь мир построить
На крови.
Но всякий путь лишен
Судьбы и цели,
Коль начат он
Со зла, а не с любви.
О как же гордо
Все мы год от года
О дружбе всех народѡв
И держав
С восхода до восхода
Ради моды,
В угоду
Проходимцам и ханжам,
Стихи писали,
Сочиняли оды,
Соседу руку
Утром не пожав.
Хоть рядом шли,
А воротили морду,
Поскольку он
С другого этажа.
Различные
И верой, и обличьем,
Не схожие в привычках
И чертах,
Набычившись,
Друг в друга пальцем тычем
И хнычем:
«Не выходит ни черта!»
Забыв, что соблюдая
Свои обычаи,

Чужие всюду должно
Почитать.
Недужит век.
Петля беды все туже.
Пока не захлестнулась до конца,
Живущим нужно,
Отложив оружие,
Всем вместе души
Распахнуть для дружбы,
Захлопнув тут же
Для вражды сердца.

Мы сыновей для радости растим.
Но эта жизнь — не водевиль, а драма.
И день придет, и, посмотрев упрямо,
Тихонько скажет мальчик, загрустив:
«В путь отпустив,
За все меня прости,
Как сыновей прощают только мамы.»
Слезинка на ресницах задрожит.
Уходит тот, кем так или иначе,
Привыкла больше жизни дорожить.
И вдруг поймешь, и радуясь, и плача:
Перед тобой не мальчик,
А джигит.
Его отныне незачем корить.
Никто из нас в итоге,
Слава Богу,
Чужой судьбы не сможет повторить.
И каждый должен, подчиняясь долгу,
Свою судьбу, как песню, сотворить,
По жизни проторить
Свою дорогу.
И, может быть, в часы прощанья сын,
В далекий путь пускаясь до рассвета,
Забудет мамой собранный хурджин,

Но в сердце унесет ее заветы.
Они его согреют в холода,
Всегда поддержат на опасной круче.
Когда придет нежданная беда,
Отваге и смирению обучат.
В опасный путь сквозь зной и сквозь пургу
Уходит мальчик.
Так или иначе
Я горько плачу,
Вслед за ним бегу.
А вот «Останься!» крикнуть не могу.

ВСТРЕЧА

В орешнике густом
Рыдала неутешно,
На синем склоне дня,
Успешно променяв
Безгрешную любовь
На ад тоски кромешной,
Когда неспешно ты
С красавицей нездешней
Под вешний перезвон
Раскрывшейся черешни
С усмешкою прошел,
Не вспомнив про меня.

К безумию близка,
Встреч после не искала.
Раскаяньем ясак
Взимая, как баскак,
Жестокая тоска
Надежды расплескала.
Заботы замели
Потоки слез песками.
Черешни отцвели.
И годы лепестками,
Опав, как будто скань,
Сверкнули на висках.

Что для любви года
Утрат, невзгод, разлуки?! —
Как полая вода
Уносит глыбы льда,
Умчит их без следа
За дальние излуки.
Верней поруки нет,
Когда придет беда.
Прощая без суда
Любые скорбь и муки,
Предательства простить
Не сможет никогда.

Небрежно завалил
Заглохший сад валежник,
А стежка на лугу
Нырнула под кугу.
Ты снишься мне сквозь мглу
Безбрежных лет все реже.
Хоть брезжит костерок в логу
Былой надежды,
И нежность берегу
В душе своей, как прежде,
Отверженной любви
Простить я не могу.

Под трескотню сорок,
С листвою перемешан,
Лег в колени дорог
Ноябрьский снежок,
Всему подвел итог,
Всех страждущих утешил,
И скорбь мою обрек
Остаться между строк.
Прошел немалый срок,
Но вздрогнула, опешив,

Так вздрогнут на ветрах
Ожив, стволы черешен,
Когда у них в корнях
Забродит вешний сок.

Пусть солнца не зажгла
Нечаянная встреча,
В тот вечер
От души я рада ей была.
От ближнего угла
Ты шел, сутуля плечи.
Потух беспечный взор,
Лицо застлала мгла.
Ведь молодость дала
Судьба нам не навечно.
Ты сжег ее дотла
И утешаться нечем.
Я тоже отцвела.
Но мне сегодня легче:
Надежда помогла,
Любовь меня излечит,
Что в тайне от себя
В душе я сберегла.

Не надо жалких слов
И ласкового взгляда.
Ты даже не узнал
Меня в неверной мгле.
За садом след пропал
В просторах снегопада.
Разлада нет в душе.
Я нашей встрече рада,
Давным-давно чужой
И не со мною рядом,
Ты все-таки живешь
На горестной земле.

* * *

Памяти Сергея Изгиалева

Жизнь казня
С жестокостью тирана,
Всех приводит
Скорбная стезя
В страны,
Где кружат уныло враны
За туманы
Вечности скользя.
Смертны все.
Но больно мне и странно,
А исправить
Ничего нельзя.
Почему так рано,
Так неожиданно,
Множа раны,
Гибнут непрестанно
Самые желанные
Друзья.
Смерть не хочет
Нам давать отсрочки.
Только почки
В роще загрохочут,
Пчелы захлопочут
На лугах,

И тюльпаны,
Раскрывая очи,
Точно в танце
Встанут на носочки,
Пир окончен.
Радость — недолга.
И пурга,
Как в саван, с воем волчьим
Землю ночью
Завернет в снега.
Жизнь таланту
Не дает потачки.
Не удача,
Ждет его беда.
Так уж эта
Создана планета,
Что на ней,
Заветный друг, Сергей,
Вспыхнув до рассвета,
Как кометы,
От дуплета
Черного навета
Погибают первыми
Поэты.
И чем лучше
Песни ими спеты,
Чем честней,
Тем горше и быстрее.
Вольный сокол,
Ты летал высоко.
Только путь нелеркий
Завершив,
Поспешил,
Покинул нас до срока.
Чистоту истоков
В звонких строках

Людам нес
С заоблачных вершин.
И хоть жизнь
Была к тебе жестока,
Ты любил ее
От всей души.
Чтил ты свято
Древние адаты.
Твой очаг
Не гас и по ночам.
Не в палатах,
В доме небогатом
Песнями леча
Сердца сельчан,
Скуповат в речах
Витиеватых,
Щедр душой,
Как истинные таты,
Каждого, как брата,
Привечал.
С нами нету
Мудрого поэта,
Только мнится,
Снова до расвета
По ночам
На улочках Дербента
Песни и стихи
Твои звучат.
В годы испытаний
И разброда
Встал ты гордо
Против злобной лжи,
Не сложил власть придерживающим оды.
Ты всегда во всем служил
Народу,
И пока живет он, будешь жив.

МОЙ ДОЛГ

Наша жизнь — короче
Майской ночи.
И под росчерк
Летнего дождя
Горечь точит
Душу неумолчно:
Что, досрочно
Путь земной закончив,
Ты оставишь людям,
Уходя?!

Родом не из тех,
Кто год за годом
В модных
Габардиновых плащах
Возвещать
Спешили в лживых одах
Нам о гордом долге
Пред народом,
Чтоб в итоге
Свой не возвращать.
Чем угодно
В скорбный час ухода
Я б вернула,
Да казна тоща.

Так или иначе,
Но с удачей
Не в ладу
Себе же на беду.
Не имею ни машин,
Ни дачи.
Нрав горячий
От чинов не прячу.
Деньги заведу,
За день растрочу,
Сделаю заначку —
Не найду.
В иле оклоки
Путь свой не торила.
Не скопила
Злата, серебра.
Зла, бывало,
Ближним не творила.
Жаль, что мало
Сделала добра.

Славы прочной
Для себя не прочу.
Только ночью,
Сжав перо в руке,
Я пишу и рву листочки
В клочья.
Но, уйдя из жизни налегке,
Буду знать:
Мой долг исполнен точно,
Если имя позабыв, захочет
Вспомнить вдалеке
Земляк хоть строчку
На певучем татском языке.

ПАСТУХ

Если, словно таран,
На долину обрушатся сели,
И в ладони полян
Хлынет вязкий и зябкий туман,
Или взвоют метели,
Ломая столетние ели,
Под ногами ущелье,
А тропа видна еле-еле,
Силы всех на пределе,
И саван свой стелет буран,
Зная толк в своем деле,
Отару до цели
Доведет и спасет
Умудренный годами чабан.

Если, выждав в арчах,
На кошару ворвется под вечер
Бурей, злобно рыча,
Вместе с выводком серый овчар,
Сжав ярыгу покрепче,
Шагнет гордый горец навстречу.
Надо, лучше врача
Он больного ягненка излечит,
Через бурную речку

Отару свою, до овечки,
Добродушно ворча,
Переправит на сильных плечах.

Много избранных в пастыри.
Нету избранных.
И мы все, как ни странно,
Смирившись со злом,
С дикой бранью
Себя и всю землю изранив,
Непрестанно
Святыни пускаем на слом,
Рушим храмы
И в громе речей барабанных
Мчимся в пропасть упрямо,
Что стадо баранов
За идейкой дрянной,
Как за драным козлом.

Бьется в смертном бреду,
Обезумев от боли планета.
Словно пламя в аду,
Раздувают разлад и вражду
Беспощадные ветры
Корысти, тщеславья, наветов.
Примеряют кастеты
Друзья, позабыв про страду.
И для новых иуд уже где-то
Составлены сметы.
От несметных декретов
Спасения больше не жду.
Но Любовь в час рассвета
Тихонечко шепчет поэту:
Я, как пастырь, приду,
Так начертано в Книге Завета,
И любую беду
Милосердно от вас отведу.

ЧИНАРА У РУЧЬЯ

Где в ночах,
Разбухнув, как опара,
Таёт хмара
В утренних лучах,
Заскучав,
Касается чинара,
Словно струн
Пленительного тара,
Звонких струй
Прозрачного ключа.
Стихнут, отстучав,
Цикады в травах.
Даже псы в отарах
Замолчат.
Поплывет напев к седой
Вершине,
И юны, смешливы,
За водой
Из долины
Средь цветов крушины
Понесут красавицы кувшины
Длинной
Лебединой чередой.
Стайкою беспечно

Защебечут
Над ключом холодным,
Словно лед,
О желанных встречах
У крылечек,
Кто кому в окно
Папаху мечет.
Слыша речя
Их за годом год,
Дерево вздохнет,
Расправит плечи.
Счет ведет
Чинара безупречно
Спорам вечным
О делах сердечных,
Но, замечу,
Тайн не выдает.
Рухнет зной
На склон полдневный с маху,
Смолкнут птахи
Средь листвы резной,
Путник здесь воздаст
Хвалу Аллаху,
Сняв папаху,
Утомленный пахарь
С кунаком обед поделит свой.
Отблеск алый
Упадет на скалы,
И дневная кончится страда,
Как всегда,
Приходят аксакалы
Вспоминать года,
Что ускакали
По родимым склонам без следа.
Поздний вечер
Звездочки разметет,

И хмельны
От рос и от луны,
Даже валуны
Запахнут терпче,
Здесь при встрече
Клятвы жарко шепчут
Те, кто бесконечно
Влюблены.
Может быть, поэт
С певучим таром,
Пахарь старый,
Гость издалека,
Садовод,
Седой пастух с отарой?
Только знаю
Я наверняка,
Кто бы ни был,
Прожил жизнь недаром
Тот, кто посадил,
В горах чинару
Над истоком родника
Чистым.
В звонких строчках
С мудростью восточной
Завещал бессмертный Саади:
— Если только
Ты узнаешь точно,
Что назавтра
Жизнь свою закончишь
И не хочешь
Богом быть судим,
Не молись ему с утра до ночи,
Дерево сегодня
Посади.

АСТРОНАВТ

Однажды летом
Дрогнет космодром.
Росинки с веток
Сбив багровым ветром,
Перед рассветом
Грянет жаркий гром.
Как флибустьеры
Быстрые корветы,
Пилот ракету,
Звездами влеком,
Покинув дом,
Умчит к чужим планетам.
Его газеты
Назовут орлом,
Что вскормлен под крылом
Страны Советов.
Толпой поэты
Посвятят сонеты.
И будет радость пениться вином.
А вот потом
(Увы, иного нету)
Придет похмелья
Тягостный синдром.
Наш астронавт в глухой тиши

Отсека,
Себя наивных радостей лишив,
Вперед спешит,
Суров, неустрашим.
До тайников души
Творенье века,
Он сокрушит
Безмолвие парсеков,
Путь завершив,
Свой подвиг совершит.
Отыщет там
Он инопланетян,
Что, как туман,
Ученых лам
Разумный океан,
Вооруженных обезьян
На плацах? —
Не следует в детали
Мне вдаваться.
Чтоб всех вас, братцы,
Не вводить в обман,
Приспело время
В жанрах разобраться.
Коль я пишу стихи,
А не роман,
Подробности у Лемма
И Стругацких.
Пилоту, знаю,
Выпадет удача.
Явив свой ум, находчивость
И такт,
С инопланетным
Разумом контакт
Он установит так
Или иначе.

И, рассевая заблуждений мрак,
Вмиг диалог межзвездный
Будет начат.
Но что он принесет
Иным мирам:
Пустые бредни
Митинговой меди,
Нелепую комичность
Наших драм,
Трагичность неизбывную
Комедий,
Когда соседи
Бьются, как медведи,
Из-за дешевой снеди
По утрам?!
Поем безумство
Храбрых день за днем
Над яростным огнем
Всеобщей розни.
Ведем дебаты,
Учиняем козни.
Но, думаю,
Пока еще не поздно,
Оставим позы
И наш дом
Бесхозный,
Хоть и с трудом,
В порядок приведем,
А уж потом
Свой путь направим к звездам.

РАСКАЯНИЕ

По ночам
Родительский очаг
Снится вновь и никуда не деться.
Мне б молчать
С раскаяньем в очах,
На него глядеть, не наглядеться.
Но печаль,
Как ноша на плечах.
Вдаль быстрее ручья
В седых арчах,
Звонко хохоча,
Умчалось детство,
Словно мячик у девчат
Соседских,
Затерялось где-то невзначай.
Как козленок, я была упряма,
Все в бегах,
Что ветер на лугах.
«Не дитя — сплошная мелодрама!» —
Огорчалась вечерами мама,
Ссадины увидев на ногах.
Только вопреки домашним карам,
Я, ничью не признавая власть,

В омут всласть
Ныряла с крутояра,
Лазила бесстрашно по чинарам,
С сорванцами мяч гоняла с жаром
И вовсю с мальчишками дралась.
Черная от солнца, как галчонок,
С детворой, едва взойдет заря,
Шалости творила увлеченно.
В те года далекие не зря,
Надоев соседям до печенок,
Среди самых отрывных девчонок
Числилась в бесспорных главарях.
Только вспомню,—слезы комом в горле,—
Сколько близким принесла я горя,
К горькому и позднему стыду.
То уйду на целый день на море,
То, удрав со сбора,
Двинусь в горы
И до самой ночи пропаду.
Безотказно,
Не моргнув и глазом,
Я клялась в присутствии отца
Шалости оставить и проказы.
Но, признаюсь честно, что ни разу
Клятву не сдержала до конца.
Словно птенчик,
Я была беспечна,
Верила доверчиво тогда,
Будто мама молода
Навечно,
И всегда щебечет
Май в садах.
Но года, как речка,
Быстротечны.
Все они уносят без следа.
Сколько раз мои сады желтели,

Сколько раз успели облететь?!
Если б все предвидеть мы умели,
Как бы мы родителей жалели.
Но могилы замели метели,
И сегодня некого жалеть.
Жгучий стыд
Сильней с годами мучит.
И уже заканчивая путь,
Добротою возвращаю внучке
Долг, что маме не смогла вернуть.

СИЛЬНЕЕ КРОВНОГО РОДСТВА

(Поэма)

В зеленый летний день,
Когда лоза
Янтарной силой
Грозди наливала,
Мозол смотрела
В Яшины глаза,
И радость
В юном сердце трепетала.
Еще ничто
Не предвещало бед
В зеленый день
В расцвете юных лет.
Еще с работы
Мирно шел отец,
Не зная,
Что не грозди винограда
Возьмет он скоро в руки,
А снаряды,
Что будет
Красной Армии боец.
И Яша,
Одноклассник и поэт,
Читал стихи Мозол
И строил планы.

Еще не чувствовал кровавой раны,
Еще не ощущал
Кровавых бед.
И старшекласница
Дербентской школы средней
Не знала,
Что за партой день последний.
Не белые тетрадные листы
Теперь ей в руки —
А бинты, бинты,
Кровавые бинты,
Когда сочится рана...
Начнется завтра бой,
Сегодня рано.
Сегодня счастьем жить еще полна.
Все изломает поутру
Война.

Над брестским небом —
Черные кресты.
И смяты пограничные посты,
Посты надежды, мира и любви.
Страна моя,
В огне ты и в крови.
И крепостью,
Стоящей до конца,
Не камни обернулись —
А сердца.
Сердца, как крепости
И как знамена,
И вот уж
Добровольцы поименно
На перекличке отвечают: «Я» —
И на сто верст

Растянута семья:
Отец и брат
Спешат в бои на запад,
Туда, где льется кровь,
Где гари запах.
И Яша, любящий,
На фронт ушел
Одна осталась горевать Мозол.
Она одна теперь
В пустой квартире,
Ночами видятся
Дурные сны...
Она одна не в доме —
В целом мире
Среди беды сиротской
И войны.
Но не одна,
Ведь даже и война
Не только разлучает,
Но сближает.
И в госпитале
Нянею она
С утра до ночи
Сутки коротает.
Не бог весть что:
А нежность и участие
Она отдаст
Израненным бойцам.
Они в ответ,
Как талисман на счастье,
Дадут страдание
Ее глазам.
И мужество в груди ее родится,
Способность все суметь
И превозмочь,
Фронтовиков

Любимая и дочь,
Достойно их
Должна она трудиться.

* * *

Боец стонал
И сряду много дней,
Как кокон,
Он обмотан был бинтами.
Он, истекая кровью,
Звал друзей
И тихо обещал вернуться маме.
Он по матрацу
Снова полз вперед,
Гранату
Занеся над головою,
Он за собою
Вел на танки взвод...
И вдруг сиделки руку
Сжал рукою.
И приподнялся,
Глядя ей в глаза,
И долго так смотрел,
Не веря будто.
И белыми губами ей оказал:
— Он мне показывал
Тебя в то утро,
В то утро черное,
Черней, чем ночь,
Когда обугливался
Все на свете,
Он фото дал мне
И сказал, что дочь,
Что дочь Мозол
Есть у него Дербенте...

Я не ошибся?
Как зовут тебя?
Он был мне другом...
Он ведь спас меня...
И радостью пронзенная она
Вдруг сникла:
«Был» —
Так, значит, нету больше?!
— Не плачь, — сказал боец —
Пойми: война.
Она нас разлучила
Где-то в Польше...
Хорошим другом
Мне отец твой был...
Я знаю, как он дочь свою любил,
Как жизнь любил,
Как жизнью рисковал,
Как он в мечтах победу рисовал.
В родной Дербент
Он так хотел вернуться...
Боям, как рекам,
Вспять не повернуться —
Я здесь — он там.
Но будет мне трудней —
Пойдет он
По пятам судьбы моей.
Мне за двоих
На этом свете жить.
Мне за двоих
Тебя; Мозол, любитъ
Я долг пред ним
Исполню до конца:
Я заменю, Мозол,
Тебе отца.
И раненый, истратив много сил,
Умолк.

И слов уж не произносил.
Когда он вновь
В беспамятство ушел —
Прорвалось
Горькое рыдание Мозол.

* * *

Из забытья
Вернулся он в сознание,
Услышав
Сдавленное то рыданье,
Но глаз мучительно не мог открыть:
«Ну как утешить?
Что сказать?
Как быть?
Не слишком ли
Сказал он резко вдруг?
Нисон, Нисон,
Мой незабвенный друг,
В полубреду я, знать,
Не то смолол.
Прости, Нисон,
Прости меня, Мозол»
И Николай
Глаза открыл несмело:
Мозол у изголовья сидела.
— Не плачь, — сказал он, —
Шевельнув губами. —
Я отомщу фашистам.
Правда с нами.
Мне есть за что их бить,
Двуногих гадов,
Мой гнев теперь
Сильней любых снарядов...
И Николай

Ей рассказал о том,
Что был сожжен
Его родимый дом,
Расстреляна семья —
Кто где зарыт,
Друг фронтовой Нисон,
И тот убит...
Скорей бы снять бинты —
И снова в бой!
С фашистом счет у Николая
Свой.

Но он не знал,
Что зря мечту лелеет,
Что в бой пойти
Уже он не сумеет,
Хоть он и рвется,
Яростно-горячо,
Свой приговор
Уж вынес ему врач.
И захлебнется сердце
От обид.
Что делать —
Но теперь он инвалид.

* * *

Стал Николай
Мозол вторым отцом,
И сразу ожил
Бесприютный дом.
Заботится о ней,
Она — о нем,
Работа и забота
День за днем.
Он стал выращивать
В колхозе виноград

Там, где Нисон трудился,
Друг и брат.
Он на работе,
Будто бы на фронте,
Все силы отдает опять борьбе.
Он зрит победу уж на горизонте
В судьбе народа
И в своей судьбе.
Но память горькая
Лежит на сердце камнем
Не снять ее с народа и веками.

* * *

Печальная история,
Но все же
Конец счастливый близится уже.
За горе
Горе получать негоже —
Конец войны!
На этом рубеже
Встречал Дербент
Сынов своих с победой.
И радостью
Заполнились сердца.
Конец войне —
Конец слезам и бедам.
Но разве можно
Воскресить отца?
Зато вернулся Яша.
Словно солнце
Взошло над опечаленной Мозол.
Вот он идет
Все ближе
И смеется.
И тянет руки.

Вот он подошел,
И поцелуй!
Пусть видят все и каждый
Их поцелуй на людях
(Как он прав!).
Так путник,
Мучимый бедой и жаждой,
Пьет воду,
Жадно к роднику припав.
И Николай — второй отец Мозол —
Тихонько
К двум влюбленным подошел
И, не скрывая радости своей,
Обнял за плечи
Молодых людей.
И трое, близкие не кровью,
А душой,
Счастливые друг другом
Шли домой...
И собирались друзья
За их приветный стол,
Все поздравляли
Яшу 'и Мозол.
И счастье,
Что победой рождено,
Одно
Им было на троих дано.

СОДЕРЖАНИЕ

Желание. (Перев. В. Портнова)	6
Сын уходит в армию служить	7
«Ты силен и крылат...»	9
Милый доктор	10
«Зимой мы расстались...»	11
Судьба девушки. (Перев. М. Грунина)	12
Сыну	14
Учитель	15
Мое лекарство. (Перев. П. Малаева)	17
Возьми мое сердце	18
Любимому	19
«Когда-то было, вечером иль днем...». (Перев. П. Малаева)	20
Моя звезда. (Перев. Г. Игнатенко)	21
Баллада об отце	22
Людам	24
Путнику	25
Мой Дербент	26
У обелиска	28
Не хочу!	29
Напутствие	30
Прощальная	31
Родина	32
На Пискаревском кладбище	33
Околица. (Перев. М.-З. Аминова)	34
Сестра	35
Матери. (Перев. И. Неботова)	37
Полубиблейская сказка. (Перев. Г. Игнатенко)	39
Спасибо, отец. (Перев. С. Суцевского)	41
«Средь бушующей мглы...»	43
Бессонная ночь	44
Радуга	46
Люди	48
Все для тебя	53

Цветов не рвите.	57
Дружба	60
«Мы сыновей для радости растим»	64
Встреча	66
«Жизнь казня...»	69
Мой долг... ..	72
Пастух	74
Чинара у ручья	76
Астронавт	79
Раскаяние	82
Сильнее кровного родства (поэма). (Перев. В. Портно- ва)	86

Зоя Юнаевна Семендуева

ОКОЛИЦА

Редактор **Н. Гасанова**
Художник **И. Шовкринский**
Худож. редактор **Э. Лубьянов**
Техн. редактор **В. Гаджиева**
Корректор **Д. Багдасарова**

ИБ 2548

Сдано в набор 23.04.92. Подписано в печать 06.06.92.
Формат 70х90¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Литера-
турная». Печать высокая. Усл. печ. л. 3,51. Уч.-изд. л.
3,13. Тираж 400. Заказ 444. Цена договорная.

Дагестанское книжное издательство Государственного
комитета Республики Дагестан по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли

367025, Махачкала, ул. Пушкина, 6

Типография им. С. М. Кирова Государственного коми-
тета Республики Дагестан по делам издательств, полиг-
рафии и книжной торговли

367025, Махачкала, ул. Маркова, 51

